

Поскольку это самый важный день торговли рабами в государстве Гуси, устраиваемый раз в два месяца, здесь собрались благородные мужи со всей страны, а также съехалось множество богатых торговцев, ведь в центре площади один за другим должны были выставить самые дорогие «товары». Из-за этого «Сюаньгуань» была оцеплена плотными рядами усиленной стражи, и простые люди могли лишь издали, с расстояния в несколько чжанов, глазеть на празднество, не имея возможности пройти на внутреннюю площадку.

Чжэнь Вэньцзюнь, А-Си и Сяохуа забрались в самую крону дерева. Оттуда всё происходящее на рынке было видно как на ладони, и они смогли сосчитать, сколько воинов охраняет площадь. Стало понятно, что броситься в бой сломя голову означало обречь себя на поражение, шансы на успех были ничтожно малы.

– Я помню, ты говорила, что эта барышня Вэй способна просчитывать ходы, точно божественный дух, – шепнула А-Си. – Погляди, как она спокойна и невозмутима, наверное, у неё в голове уже созрел свой собственный план.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа знали это куда лучше А-Си. Вэй Тинсюй никогда не бралась за дело, в успехе которого не была уверена. За все долгие годы, что она вела скрытую войну против Се Фучэня, а затем вышла из тени на свет, балансируя на острие клинка, её расчёт ни разу не дал осечки. Лишь однажды она пострадала от рук Янь Е, но и в той истории за кулисами командовала Чжэнь Вэньцзюнь, и даже получив тогда тяжёлые раны, Вэй Тинсюй умудрилась обернуть всё в свою пользу, завоевав безраздельное доверие Ли Яньи. Вэй Тинсюй никогда не вела убыточных дел, и ни Чжэнь Вэньцзюнь, ни Сяохуа не верили, что мелкие каверны жалких работоторговцев способны заставить её оступиться. И всё же сердце у них обливалось кровью от тревоги. Особенно теперь, когда Чжэнь Вэньцзюнь воочию лицезрела запёкшуюся кровь на её губах, ей хотелось утопить всё государство Гуси в крови.

– Нам остаётся лишь следить за тем, как обернётся дело, притаитесь вы обе, – А-Си мёртвой хваткой вцепилась поочерёдно в каждую, стараясь удержать равновесие на ветке и попутно оберегая этих безумных женщин от порыва ринуться на верную смерть.

Внизу на площади местный работоторговец Гуси во всю мощь своих лёгких закричал в свёрнутый плотным рупором толстый прочный лист. Этот самодельный рог далеко разносил его голос, так что и внутри площади, и за её пределами каждое слово было отчётливо слышно. Мужчина выкрикивал фразы, а А-Си шёпотом переводила их для Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа:

– Эта рабыня прибыла к нам из Великой Юй, она происходит из великого благородного рода и обладает высочайшим статусом! Она досконально знает искусство цитры и вэйци, каллиграфии и живописи, её пение дурманит разум, а танцы превосходят любое воображение, к тому же она искусно слагает стихи! Не то что в Гуси, но и во всей Великой Юй вам вовек не сыскать столь дивного сокровища. Начальная цена за этот редчайший лот – десять тысяч. Слушайте внимательно: не десять тысяч таэлей чистого золота, а десять тысяч сверкающих алмазов!

Стоило этой цене сорваться с его уст, как по рядам зевак и богатеев пронёсся глухой, изумлённый вздох. Простому люду не то что десять тысяч, даже один-единственный алмаз за всю жизнь подержать не доводилось, ведь за один такой камень можно было выкупить крышу

над головой для целого рода из поколения в поколение. То был легендарный самоцвет, которым владели лишь сказочные богатеи, а тут за женщину требовали целую гору! Не иначе как работороговец лишился ума.

Хозяйка постоялого двора, стоявшая за плотным пологом, пристально наблюдала за тем, как отреагирует знать Гуси. Она-то знала, что ничуть не сошла с ума. Эта барышня безоговорочно стоила каждого затребованного камня!

Хозяйку звали Лань Синь, она была родом из племени Гуцян и испокон веков промышляла тем, что крада и продавала барышень из Центральных равнин. Опасаясь мести и погони, она вечно переносила с места на место своё заведение, которое на словах служило ночлегом, а на деле являлось разбойничьей норой для похищения женщин, кочуя между границами Суду и заставами Великой Юй. В последние дни из-за непрекращающихся ливней она решила, что путников на дороге ждать не стоит, и укрылась в глухой лесной чаще. Лань Синь рассчитывала немного перевести дух, прежде чем снова выйти на «охоту», и никак не ожидала, что в пору, когда у неё не было корыстных мыслей, столь жирный и лакомый кусок сам прибежит к ней в руки.

Стоило этой группе людей предстать перед ней, как Лань Синь с первого взгляда выделила Вэй Тинсюй.

Пусть Лань Синь и принадлежала к племени Гуцян, родилась она в землях Великой Юй, где и прожила до пятнадцати лет, пока не занялась торговлей живым товаром, оттого и повадки северян знала досконально. Одежания и благородная стать Вэй Тинсюй с головой выдавали в ней человека великого знатного рода, причём из самых что ни на есть высших слоёв. В обычные дни такую важную птицу и с огнём не сыщешь, на поклон к ней не подберёшься, а тут судьба сама столкнула их в глуши.

Стоило лишь продать эту женщину богатеям Гуси, и Лань Синь могла навсегда оставить своё ремесло. Золота с головой хватило бы, чтобы до конца дней купаться в роскоши, ни в чём себе не отказывая.

Да и за остальных барышень Великой Юй можно было выручить неплохую монету. Радужно принимая гостей, Лань Синь едва сдерживала слюну, стараясь казаться как можно более невозмутимой. А когда та высокая и мускулистая степная баба потребовала приготовить еду на тысячу ртов, она поняла, что настал её звёздный час.

Достаточно было подсыпать лишь крошечную щепотку «Смеющихся Смертных Грибов», и человек принимался хохотать до смерти. Впрочем, она не планировала никого убивать, ей нужны были только деньги.

Поэтому она, как и в прошлые разы, строго рассчитала дозу. Отрава не лишала жизни, но туманила рассудок, вызывая сильнейшие видения. Стоило яду подкосить людей, и она без труда смогла отделить нужный ей «товар» от остальной толпы. А на случай, если кто-то откажется от грибной похлёбки, у неё был припасён скрытый козырь.

Перед самым их отъездом Лань Синь нарочно обмолвилась, будто на Хребте Диких Лис беснуются призраки. Едва токсины ударили в голову, и люди принялись без причины хохотать посреди дикой глуши, где и телегу-то провести трудно. В этот миг испуганный разум несчастных сам ухватился за готовую подсказку о «призраках». В завершение ко всему Лань Синь сама вырядилась выходцем с того света, чтобы напрочь лишить чувств тех, кого яд не взял, и в этот раз всё прошло по устоявшемуся плану. Вот только эта барышня по фамилии Вэй оказалась на редкость странной. Когда Лань Синь, изображая беса, свисала с ветки дерева прямо перед её лицом, в глазах пленницы не отразилось и тени смертного ужаса. Напротив, в миг когда их взгляды скрестились, Лань Синь сама едва не обомлела от её ледяного спокойствия. Ей на секунду показалось, будто Вэй Тинсуй вот-вот преспокойно протянет скованную руку, уберёт в сторону её длинные фальшивые волосы и примется вдумчиво разглядывать её лицо. Случись такое на самом деле, и, пожалуй, за всю её жизнь до сегодняшнего дня не бывало бы конфуза страшнее.

Однако то, что она себе представляла, не случилось. Вэй Тинсуй посмотрела на неё несколько секунд, затем закрыла глаза и рухнула на землю.

Она что... в обморок упала? - Лань Синь с помощью сообщников спустилась с дерева. Вся банда обступила Вэй Тинсуй, но никто не испытывал радости от того, что коварный замысел увенчался успехом. У всех осталось смутное ощущение, что здесь кроется какой-то подвох.

Впрочем, раздумывать было некогда. Связали и дело с концом.

Вэй Тинсуй, А-Ляо и остальных пленниц пригнали в Гуси как раз к началу их самого пышного торга. Великие благородные роды Гуси, Тяньюань и Дичэн, неизменно съезжались сюда ради покупки редких рабов. Но что привело Лань Синь в совершенный восторг, так это то, что на площади объявился род Хайчжэнь, чьи господа отродясь не участвовали в торгах рабами.

Знатью Хайчжэнь был как раз тот мужчина, в чью шапку по центру был вшит крупный рубин и кто до этого хранил ледяное молчание, не сделав ни единой ставки. С ним прибыли четверо слуг, а в самом центре восседал главный мужчина этого клана - «А-хоу» Му Гэ.

Слово «А-хоу» на их наречии означало примерно то же, что и «молодой господин» в Великой Юй. Му Гэ был ростом в восемь чи, плотная шапка наглухо скрывала его волосы, открывая взору смуглое, словно высеченное резцом лицо. Поскольку государство Гуси лежало в жарких тропиках и солнце палило нещадно круглый год, кожа у всех местных жителей была загорелой, но Му Гэ уродился ещё темнее остальных. В отличие от мужей Великой Юй, которые по достижении зрелости любили отращивать бороды, мужчины Гуси гладко брили лица. Этот длиннорукий и длинноногий господин вальяжно устроился на особом, богато украшенном кресле и с самого начала торгов сидел с отрешённым видом, словно дожидаясь чего-то важного. Лишь когда на площади появилась Вэй Тинсуй, его скука вмиг испарилась. Он принялся штрих за штрихом вдумчиво разглядывать пленницу, выказывая к ней живейший интерес.

Великолепно! - мысленно ликовала Лань Синь. Десять тысяч алмазов были непомерной ценой, и даже знать Гуси не стала бы разбрасываться столь редкими самоцветами ради первой

встречной рабыни. Назначая цену, Лань Синь изрядно нервничала. Товар хоть и редкий, но вдруг из-за неслыханной дороговизны никто не захочет его брать? А если лот провалится в первый раз, то при повторной попытке сбить цену покупатели станут воротить нос ещё сильнее. Сгнить такому сокровищу в её руках было бы непростительным убытком.

Похоже, что её страхи были напрасны. Пусть даже начальная ставка составляла десять тысяч алмазов, три великих клана выказали к барышне Великой Юй огромную, безудержную тягу.

А-хоу рода Тяньюань вскинул руку, унизанную кольцами с сочными изумрудами, и лениво указал в сторону деревянной клетки. Его слуга тут же вскочил на ноги и с грохотом опустил увесистый кожаный мешок, набитый десятью тысячами алмазов, на яшмовый столик перед деревянным помостом.

Местный глашатай на площади Сюаньгуань был профессионалом этих торгов и лучше кого бы то ни было знал, за какую цену можно сбыть того или иного раба. Раз Тяньюань так легко и без раздумий выложили начальную сумму, значит, цену на эту девицу можно взвинчивать и дальше. Чем дороже уйдёт рабыня, тем щедрее будет его личная награда.

Глашатай принялся вовсю распинаться и созывать новые ставки. А-хоу из клана Дичэн, поразмыслив с некоторой осторожностью, накинул один-единственный алмаз, объявив цену в десять тысяч и один камень.

А-хоу из Тяньюань залился громким хохотом и, указывая пальцем на соперника, закричал:

– Раз вы обнищали до такой степени, зачем вообще лезете покупать рабов? Ступайте лучше подобра-поздорову обратно на свои пашни, возможно на пару телег зерна больше соберёте! Накидываю тысячу камней!

Грубая насмешка Тяньюань ни на минуту не поколебала решимости господина Дичэн. Словно назло сопернику, какую бы сумму тот ни выкрикивал, он упрямо добавлял сверху всего один алмаз. После нескольких таких заходов А-хоу Тяньюань пришёл в бешеное неистовство. Он с грохотом хлопнул ладонью по столу, вскочил на ноги и принялся проклинать Дичэн последними словами, ругая их нищими оборванцами, явившимися лишь ради того, чтобы портить честные торги.

Лань Синь была на седьмом небе от счастья. Грызитесь! Рвите друг другу глотки! В этот раз она пригнала из Великой Юй целую вереницу барышень отменной стати и красоты. И пусть одной девке удалось бежать, оставшийся товар всё равно должен был уйти за баснословные деньги. Стоит этой первой сделке прогреметь на всю страну, и на следующих больших и малых торгах она без труда распродаст остальных, набив сундуки золотом до самого верха.

Тяньюань и Дичэн сцепились за одну рабыню насмерть. Поначалу оба А-хоу действительно возымели интерес к этой барышне Великой Юй исключительно ради улады своего взора и плоти, желая единолично владеть такой редкостью. Но стоило начаться ценовой перепалке, как дело обернулось упрямым соперничеством фракций и каждому было жизненно необходимо

подавить соседа и доказать своё превосходство.

И как раз в тот миг, когда их спор достиг наивысшего, яростного накала, Му Гэ, до этого не проронивший ни звука, чинно поднялся со своего места.

– Тридцать тысяч алмазов, – отчеканил Му Гэ. – Эта женщина принадлежит мне.

Всем на площади показалось, что А-хоу рода Хайчжэнь лишился рассудка. За тридцать тысяч алмазов можно было без труда выкупить целый укреплённый город с землями, а он выкладывал это богатство ради одной-единственной рабыни.

Вэй Тинсуй и Му Гэ обменялись коротким, мимолётным взглядом, после чего барышня безучастно отвела взор. Остальные два А-хоу лишь стояли с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова. Продолжать торги никто из них больше не решился, и богатеям Хайчжэнь оставалось лишь без малейшего сопротивления забрать женщину и увести её с собой.

Чжэнь Вэньцзюнь уже собиралась выкрикнуть свою цену. Она понятия не имела, что такое алмазы и насколько они ценны, она лишь желала взять ситуацию под контроль и ни за что не могла позволить, чтобы Вэй Тинсуй «купил» кто-то другой.

– Стоит тебе открыть рот в этом наряде, и нас тут же раскроют! Люди Гуси ни за что не потерпят чужеземку, не являющуюся рабыней, на своей земле, и уж тем более никто не продаст раба тебе, – удерживала её А-Си. – Пусть сперва купят барышню Вэй. Стоит им покинуть рынок Сюаньгуань, где нет такого полчища стражи, и у нас появится хороший шанс.

Видя, что Вэй Тинсуй вот-вот увезут, Чжэнь Вэньцзюнь вместе с Сяохуа немедленно соскочили с дерева.

Радостный глашатай и Лань Синь вывели Вэй Тинсуй с деревянного помоста. Заковав её руки и ноги в тяжёлые кандалы, они передали её знати Хайчжэнь.

Слуга Му Гэ уже потянулся было принять железные цепи, но Му Гэ самолично шагнул вперёд и велел снять с неё оковы.

Работоторговцы, получив сполна своё золото, более ни во что не вмешивались. Как новые хозяева станут тешиться со своей рабыней, их не касалось, а потому они беспрекословно подчинились.

С Вэй Тинсуй полностью сняли кандалы, и под конвоем слуг Му Гэ она вошла в их повозку.

Чжэнь Вэньцзюнь, Сяохуа и А-Си неотступно следовали за экипажем, добравшись по его следам до самого замка знати Хайчжэнь, где и затаились.

Му Гэ и Вэй Тинсюй вместе вышли из повозки. Придерживая за спину, он увёл её внутрь чертогов.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа обошли замок кругом. Разведка показала, что северные ворота совсем крошечные, а охраняют их всего двое стражников. Переглянувшись, они бесшумно зашли со спины и синхронными ударами ладоней отправили караульных в беспамятство.

Главные ворота были наглухо заперты, и им оставалось лишь искать путь наверх, дабы перемахнуть через стену.

Что бы ни объясняла им А-Си, ждать они больше не могли. От одних мыслей о том, какая участь может постигнуть Вэй Тинсюй, запертую в одиночестве в стенах этого замка, разум застилала кровавая пелена! Сяохуа согнулась, уперевшись руками в каменную кладку, и обернулась, подав знак Чжэнь Вэньцзюнь. Та, отбежав на несколько шагов для разгона, рванулась вперёд, взмыла с её спины на три чи, ухватила за внешний карниз и взлетела на самый верх. Шагавший по стене дозорный заметил её и уже открыл рот для выкрика, но Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась ему в шею и резко свернула её. Со сломанным хребтом страж так и рухнул наземь, не проронив ни звука.

Но стоило Сяохуа следом взобраться наверх, как по всему замку разнёсся резкий, истошный звон. Охранник, стоявший в двадцати шагах на деревянной вышке, воочию узрел всю расправу и в панике принялся неистово раскачивать висевший под настилом медный колокол. Сотни воинов хлынули во двор, однако ни Чжэнь Вэньцзюнь, ни Сяохуа не знали страха. Копившаяся долгие дни ярость вырвалась наружу сокрушительным взрывом, и они с мечами в руках яростно ворвались в толпу, круша врагов направо и налево.

Сяохуа грудью прикрывала Чжэнь Вэньцзюнь, расчищая ей путь к главному залу. Сама Чжэнь Вэньцзюнь, чьи руки уже покрылись глубокими рубцами от чужих клинков, совершенно не чувствовала боли, все её помыслы были устремлены лишь к спасению Вэй Тинсюй.

Истребить этих тварей до единого!

Сквозь звон оружия и брызги кипящей крови Чжэнь Вэньцзюнь прорвалась к дверям главных чертогов. Точным ударом меча в левой руке она пронзила живот преградившего путь стражника, отшвырнула его тело в сторону и с размаху выбила тяжёлые створки ворот.

– ЦЗЫЧЖО! – Чжэнь Вэньцзюнь, вся в крови, истошно во весь голос закричала, а затем застыла на месте.

Зрелище, представшее её взору, повергло её в полнейший шок.

– Вэньцзюнь? – Вэй Тинсюй чинно и благородно восседала в самом центре зала в роскошном кресле, а перед ней на длинном столе громоздились горы свежих плодов, яств и дорогого вина. Му Гэ, сжимавший в руке кривой кинжал, с явной тревогой на лице порывался сделать шаг

вперёд, но, глядя на обезумевшую, обгарённую кровью Чжэнь Вэньцзюнь, в нерешительности застыл на месте.

И пока Чжэнь Вэньцзюнь стояла в оцепенении, уцелевшие стражники хлынули в зал, взяв её в плотное кольцо мечей.

Вэй Тинсюй мгновенно поднялась со своего места, уверенно прошла сквозь ряды воинов и перехватила ладонь Чжэнь Вэньцзюнь:

– Ты не ранена?

Чжэнь Вэньцзюнь растерянно переводила взгляд с неё на Му Гэ. Му Гэ стоял в точно таком же глубоком замешательстве.

Очевидно, Му Гэ не позволил себе ни малейшей дерзости в адрес её госпожи. Выложив на торгах целое состояние ради покупки Вэй Тинсюй, он пальцем её не тронул, а напротив, встретил со всеми почестями, выставив лучшее вино и угощения.

Что здесь, чёрт возьми, происходит? – за свои без малого двадцать лет Чжэнь Вэньцзюнь редко оказывалась в ситуации, когда мысли полностью покидали её голову, но в этот миг её разум превратился в абсолютно чистый лист.

– Я думала, что ты придёшь, но не ожидала, что ты нагрянешь с такой пугающей скоростью, – Вэй Тинсюй, чьи хитроумные расчёты редко давали осечку, в этот раз просчиталась лишь в том, что она в полной мере оценила боевые таланты Чжэнь Вэньцзюнь, но не учла ту колоссальную, безудержную силу, что крылась в чувствах к ней. Именно эта любовь позволила девушке за считанные часы прорваться в глубь чужого царства и разыскать её здесь.

– Барышня Вэй, – подал голос Му Гэ, заговорив на срединном наречии, хотя и с густым, вязким акцентом Гуси. – Вы знакомы с ней?

Му Гэ пребывал в крайнем унынии. Глядя на кровь, покрывавшую одежду Чжэнь Вэньцзюнь, он прекрасно понимал, что большая её часть принадлежит его собственным верным воинам.

В этот миг в зал тяжело ступила Сяохуа, и её взору тоже открылась эта необъяснимая, диковинная картина.

Вэй Тинсюй оставалось лишь произнести:

– Принц Му Гэ, покорнейше прошу вас проводить моих друзей в другие покои для отдыха, и, если вас не затруднит, выделите им целебных снадобий, чтобы остановить кровь. А я без утайки расскажу вам обо всём, что здесь произошло.

На руке Чжэнь Вэньцзюнь зияли три глубоких пореза.

Снадобья в государстве Гуси сильно отличались от тех, что делали в Великой Юй. Вместо привычных целебных трав здесь использовали растёртые в пыль порошки. Чжэнь Вэньцзюнь принялась. В лекарство явно подмешали какие-то благовония, и этот аромат был точь-в-точь похож на запах специй, что шлейфом тянулся по всем городским улицам.

Опустив голову, Чжэнь Вэньцзюнь сама бинтовала свои раны. Сяохуа только собиралась что-то сказать, как дверь отворилась и в покои вошла Вэй Тинсуй.

Помощница аккуратно расставила коробочки со снадобьями и не стала задерживаться, оставив комнату в полном распоряжении двоих.

Войдя, Вэй Тинсуй принялась одну за другой распахивать оконные створки, чтобы впустить свежий ветер и разогнать душный зной. Но едва она потянулась, чтобы открыть четвёртое окно, как сзади появилась рука Чжэнь Вэньцзюнь и с тихим стуком закрыла раму.

Вэй Тинсуй почувствовала жар тела Чжэнь Вэньцзюнь у своей спины.

Она развернулась, и в то же мгновение Чжэнь Вэньцзюнь сделала шаг вперёд, намертво зажав её между собой и окном.

Лицо Чжэнь Вэньцзюнь не предвещало ничего хорошего, было видно, что она изо всех сил пытается совладать с бушевавшей в груди яростью. Срывать злость на Вэй Тинсуй ей, конечно же, не хотелось, да она и не имела на это права. Ссадина у края губ Вэй Тинсуй, на которой запеклась кровь, бередила её сердце острой болью. При одной мысли о том, что её госпожу заперли в деревянной клетке на потеху беснующейся толпе, готовой торговать её телом, Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что какими бы важными ни были причины и планы, Вэй Тинсуй по доброй воле никогда бы не пошла на такое унижение.

Корить её было нельзя, но от этой безрассудной отваги у Чжэнь Вэньцзюнь буквально изнывала душа.

Стойкость Вэй Тинсуй превосходила любые человеческие пределы. В прошлые годы никакие коварные расспросы и проверки не смогли вытянуть из её уст ни единой крупички тайных замыслов. Даже лютые пытки Янь Е не заставили её молить о пощаде. Через какие именно круги ада довелось пройти этой женщине, чтобы сковать свой нынешний стальной характер, Чжэнь Вэньцзюнь, пожалуй, не суждено было до конца прочувствовать за всю свою жизнь. Ей было до безумия жаль её плоть. Она не желала, чтобы Вэй Тинсуй вновь рисковала собой, выматывая дорогу к победе собственным телом и кровью.

Не успела Вэй Тинсуй и слова сказать, как оказалась заперта в тесных объятиях Чжэнь Вэньцзюнь.

– Мне жизненно необходимо знать, что здесь произошло. И дело вовсе не в том, что я хочу связать тебя по рукам и ногам или в чём-то ограничить. Я лишь молю, чтобы перед тем, как броситься в очередную бездну, ты обо всём рассказывала мне. Я знаю, что твоего ума хватит, чтобы вырвать у судьбы нужный исход, но вдруг... – Чжэнь Вэньцзюнь страшилась даже помыслить, что наступит день, когда безупречный расчёт Вэй Тинсуй даст крошечную осечку и она окажется в смертельной ловушке.

Вэй Тинсуй какое-то время безмолвно покоилась в объятиях Чжэнь Вэньцзюнь, и её плечо к тому времени уже намокло от слёз.

Она мягко погладила Чжэнь Вэньцзюнь по спине, ласковыми речами уняла её дрожь и усадила подле себя.

– У меня и в мыслях не было скрывать что-то от тебя. Всё случилось так внезапно, что у меня физически не нашлось времени оставить хоть какую-то весточку, пришлось пуститься в это в одиночку.

Ещё перед отъездом из Жунина Вэй Тинсуй услышала от Чжэнь Вэньцзюнь о кровных узах А-Си с царством Гуси, и местные края не на шутку привлекли её. Земли Гуси были ключевым узлом на древнем тракте Ваньсян и главными воротами, открывающими путь к затерянному государству Люхо. Чтобы заново прорубить торговую тропу, им было жизненно необходимо заполучить право на свободную торговлю в Гуси. А вся власть над рынками и заставами здесь безраздельно принадлежала трём великим родам. Ли Яньи в своё время передала ей крупницы тайных сведений, где подробно описывались вековые распри внутри этого южного царства. Клань грызлись искусно и долго, а кража и продажа дев оставалась их общим, излюбленным промыслом. И пока Императрица ломала голову, как подступиться к этому змеиному гнезду и вырвать договор, у Вэй Тинсуй уже созрел холодный план.

Когда Лань Синь подсыпала им отраву, чтобы угнать повозки, Вэй Тинсуй лишь подыграла ей, обратив чужой расчёт в своё оружие. Народ в Гуси был пугающе нелюдим и дик, чужаков за свои стены они пропускали неохотно, так почему бы не использовать работоторговцев, чтобы те сами доставили её в самое сердце страны?

Едва банда Лань Синь пригнала пленниц в город для участия в торгах Сюаньгуань, Вэй Тинсуй под покровом ночи велела А-Чжэн бежать из заточения и доставить секретное послание прямиком в руки А-хоу Му Гэ, главе рода Хайчжэнь.

А-Чжэн в совершенстве владела древним искусством сокращения костей. Она способна была вывернуть и провернуть любой сустав своего тела, сложившись так, что могла без труда спрятаться в крошечном деревянном ларце, посему обычные верёвки разбойников были для неё не прочнее гнилых нитей. К тому же она обладала завидным мастерством цингуна. Вэй Тинсуй своими глазами видела, как А-Чжэн, опираясь лишь на щепку древесной коры, могла пролететь по воде несколько десятков чжанов. В своё время именно А-Чжэн тайно доставила А-Синь обратно под крыло Ли Яньи.

А-Чжэн сбежала, никем не замеченная, обошла все дозоры Му Гэ и подбросила письмо прямо на его личный стол в покоях.

И Вэй Тинсюй свято верила, что Му Гэ безоговорочно поверит каждому начертанному в том свитке знаку.

Традиция работорговли в государстве Гуси насчитывала уже без малого сотню лет. Ещё полвека назад все три великих клана единодушно полагали, будто женщина лишь покорная вещь, созданная для мужских утех. И так продолжалось до тех пор, пока прежний глава рода Хайчжэнь не отправился на учёбу в Великую Юй. Вернувшись, он в одночасье переписал все устои в чертогах своего клана. Оказавшись в Великой Юй, тот А-хоу воочию узрел, как местные барышни свободно ступают под яркими лучами солнца, а мужчины искренне любят и оберегают их. И пусть женщинам Великой Юй путь на государственную службу был закрыт, они всё же могли с мечом в руках сражаться на передовой, свободно ходить по рынкам, бороться за свою любовь и сами вершить собственную судьбу. Впитав в себя эти просвещённые и благородные учения, А-хоу взял в жёны деву из империи Великой Юй и привёз её в родные края. Отныне в жилах потомков Хайчжэнь текла кровь Центральных равнин, и из глубокого уважения к памяти своей бабки последующие владыки клана поклялись никогда более не присоединяться к позорному ремеслу торговли женщинами и не показываться на рынках рабов.

Му Гэ всем сердцем желал сокрушить кланы Тяньюань и Дичэн, чтобы объединить Гуси и раз и навсегда исцелить застарелые, уродливые язвы своей больной родины.

И Вэй Тинсюй намерена была стать для него тем самым разящим клинком. Как ради его триумфа, так и ради собственных интересов.

Полвека назад клан Вэй уже гремел на всю Великую Юй, прочно удерживая высшие посты трёх гунов и девяти министров, так что дед Му Гэ вполне мог слышать их славное имя и упоминать о нём внуку, когда вёл рассказы о Центральных равнинах. Впрочем, даже если имя её рода и стёрлось в чужой памяти - не страшно. Вэй Тинсюй выстроила своё послание на основе недавних бурных потрясений при дворе Великой Юй. Сыпля весомыми историческими примерами, она прямо в письме пообещала помочь Му Гэ подмять под себя два соперничающих клана и единолично сосредоточить всю полноту власти над Гуси в своих руках.

Взамен же на эту услугу ей требовалось лишь право на беспрепятственную торговлю в его государстве.

Му Гэ не ответил ей, да и у него не нашлось бы времени для ответа, однако Вэй Тинсюй заранее знала, что его сердце дрогнет перед таким искушением.

Она назначила ему встречу прямо на торгах Сюаньгуань, выбрав запёкшуюся кровь у края губ в качестве тайной приметы для опознания.

- Вы невероятно дерзки, - со скрытым восхищением произнёс Му Гэ, едва они переступили

порог его замка. – Явиться на торги Сюаньгуань, даже не имея твёрдой уверенности, что я вообще приду на площадь... Знаете ли вы, какая участь постигла бы вас, перехвати вашу клетку господу Тяньюань или Дичэн?

Вэй Тинсюй лишь тихо отозвалась:

– Да. Я не думала об этом.

Му Гэ расхохотался, восхищаясь её храбростью. Он уже занёс кубок, собираясь выпить за её здоровье, как в залу с мечом в руках яростно ворвалась Чжэнь Вэньцзюнь.

Выслушав этот спокойный рассказ Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь прошиб холодный пот.

– А если бы А-Чжэн не сумела передать весточку? Или если бы этот мужчина и впрямь не явился на торги, то как бы ты тогда выпутывалась? – Чжэнь Вэньцзюнь задала единственный вопрос, заставивший Вэй Тинсюй надолго погрузиться в мысли. – Скажи, перед тем как броситься в это пекло, неужели в твоих мыслях ни разу не промелькнуло, как сильно я буду за тебя бояться?

То был на редкость простой вопрос, и Вэй Тинсюй, разумеется, прекрасно знала, что Чжэнь Вэньцзюнь изведётся от тревоги. Однако вслед за этим знанием в её разуме неизбежно вспыхивала привычная, холодная мысль: «Ну и что с того?»

Взвешивая на невидимых весах чужие страхи и важность своего замысла, она чётко видела, какое дело имеет истинный вес.

Не сумеют они подчинить себе Гуси и вырвать право на свободную торговлю, и весь их великий план с Ли Яньи рухнет в одночасье, а реформа о допуске женщин к управлению страной так и останется мертворождённым указом, не принесённым им покоя до конца дней.

Величие империи и благополучие государства испокон веков занимали самое святое, самое нерушимое место в сердце Вэй Тинсюй. Она годами вела эту войну в одиночку на кровавом пути, не имея за спиной надёжного тыла и никогда не помышляя о том, чтобы выйти из игры невредимой. Если бы ей суждено было однажды пасть от руки более сильного и искушённого врага - что ж, для неё это стало бы вполне достойным, славным исходом.

И теперь, когда за её спиной внезапно вырос человек, который до безумия беспокоился за её жизнь и преданно ждал её возвращения, она на миг ощутила глубокую, необъяснимую неловкость. Неужто теперь ей придётся трусливо поджимать хвост и оглядываться на чужие страхи ради этой женщины?

Перед ней стояла её ненаглядная, любимая Чжэнь Вэньцзюнь... вот только те оковы, что приносила с собой эта «любовь», совсем ей не нравились.

<http://bllate.org/book/17227/2028636>